

Олег Ашихмин

Наблюдения, постижения и
притчи Артура Лапова

Рассказы

Олег Ашихмин
Наблюдения, постижения
и притчи Артура Лапова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63110921

SelfPub; 2020

Аннотация

Истории из 90-х про людей и их непростую жизнь в те годы. На глазах рушилась большая страна. Как жить – никто не знал, поэтому все жили, как могли. Многие старались это делать достойно.

Олег Ашихмин

Наблюдения, постижения и притчи Артура Лапова

Предисловие

Я родился в семидесятые, а мужал в девяностые и это, наверное, диагноз. Мое поколение застало мощь великой страны и крах империи. Мы по-детски радостно вступали в пионеры, но осознано отвергли комсомол. Нас воспитывал двор и разговоры взрослых на кухне. Мы стали свидетелями зарождения капитализма в стране, а вместе с ним, появления рэкета, заказных убийств и бандитского беспредела, захлестнувшего города и посёлки. Во времена нашей юности обесценились СМИ, мы первые кто перестал верить газетам и телевизору. Мы, воспитанные на подвигах второй мировой, проскочили Афганистан, но увидели море крови в Чечне. На наших глазах разваливалась страна, нищали семьи, с безнадёги пили отцы, а матери бились в кровь, чтобы попытаться удержать привычный быт. Нам говорили, вы счастливички, жить в такое время! Перед вами все дороги открыты. Мы верили и готовились к свершениям, но у всех вышло по-разному. Хаос, который тогда царил кругом вошел и в жизнь каждого из нас. В тридцать я уже чувствовал себя на восемь-

десять, так много нам пришлось увидеть и пережить. Каждый раз на вопрос, откуда ты, всегда вздыхаю, потому, что не знаю с чего начать. В разное время я жил, учился и работал в Сибири, на Алтае, в Москве, в Питере, в Ярославле и еще много где. Не Хемингуэй конечно, но для одной заурядной жизни вполне хватит. Срочную провел на Кавказе. И свои и «чехи» меня звали бандит, так неистово я защищал неделимость России. После успешно работал в кино, на телевидении, в туризме, в шоу-бизнесе, в журналистике, в рекламе и в профессиональном спорте. Попытки заработать на жизнь продолжаются. Свои записи я начал вести еще в те времена, когда в России мало кто знал что такое интернет и сотовый телефон, никто не бывал и не отдыхал за границей, в магазинах ничего не было, а что было, продавали по талонам. Это было не так давно, в начале девяностых, точнее, в начале лихих девяностых.

Фотография

Можете ли вы представить себе студента, который приехал из огромного города, где есть даже метро, в маленький сибирский городок, бывшую окраину царской России; который из-под крыла школы и родителей очутился в общежитии и всю зиму, лютую сибирскую зиму, проходил в осенних туфлях?

Именно так я и выглядел: зимние ботинки украли в об-

цаге, чужой город ещё не стал приветливым, полная свобода и безнаказанность, хроническое безденежье, гора проблем в универе, безбашенная общага, короче, та ещё безнадёга. Одним снежным и слякотным днем конца зимы я брел на почту, чтобы получить денежный перевод от родителей – поток воздуха на дне океана. На дворе было начало девяностых. Из дома особо помочь не могли, сами концы с концами еле сводили, впрочем, как и вся страна, тогда все мучились и выживали. После трех пар и бессонной ночи в общаге, пятый курс обмывал Госы, мой мозг не воспринимал суету людей на улицах, на остановках и у бывших киосков «Союзпечати». Был включен «автопилот», конечная цель которого было окошечко на первом этаже почты. Никого и ничего не замечая, я вошел в здание, пропитанное канцелярским запахом. Пройдя через весь зал почты, я подошел к амбразуре, где было вытрафаречено наполовину стершимися буквами «До востребования». Я встал в очередь, и воткнул глаза в чью-то спину, которая была, может, белая, может, красная, а может, серая, мне было без разницы, какая она, я просто стоял за ней. На этой спине висело что-то приятного цвета. На этот цвет у меня почему-то включился разум и в глазах появилась резкость. Рюкзачок – вот что это было, ярко-малиновый с зелеными кармашками, блестящими замочками и с разбросанными повсюду синими кляксами, не похожими одна на другую. Подобные рюкзаки я видел дома по телевизору, в фильмах об американских тинэйджерах.

«Надо же, откуда он здесь», – подумал я, глядя на заморское чудо. Яркий рюкзак поистине выглядел чудом, среди плохо одетых людей в убогом почтовом зале.

Чисто машинально мои глаза взяли «средний план», в который попали шапка и пуховик обладателя рюкзака. Шапка-ушанка из черно-бурой лисы идеально сидела на голове.

Пуховик был тоже чётко подогнан по фигуре, необычного темно-вишневого цвета с широким манжетом на поясе, придавая своему хозяину надутый вид. От всего увиденного мне захотелось увидеть его (или ее) ноги. Глазам, опущенным вниз, открылись зеленые с серым налетом джинсы, доселе нигде не виданные, и черные ботинки на толстой подошве с бляшкой на носке. Бляшка горела, отражая тусклые лучи ламп почты. Шапка вдруг повернулась, и на меня взглянули два глаза не очень красивого парня, ростом и возрастом примерно того же, что и я.

«Ну и чем ты заслужил такую роскошь?» – подумал я, глядя на свои убитые туфли. После прозы общажной жизни у меня выработалась какая-то непонятная злость ко всему благополучному. Вот тут-то я и понял, как в семнадцатом году народ похватался за колья, вилы и топоры. Нельзя злить народ. Сытыми проще управлять, да и сытому есть что терять, именно поэтому весь западный мир и живёт в такой достатке и стабильности. Я еще раз хотел посмотреть на парня, но шапка уже отвернулась.

«Интересно, кто ты, чей-то сынок?» – хищно подумал я.

До моих ушей донеслась английская речь, по всей вероятности исходившая от «дорого» парня.

«А, так ты иностранец», – понял я причину столь дорогой и хорошо подобранной одежды.

На пол из его кармана что-то выпало и с пластмассовым стуком очутилось у моих ног. Я нагнулся и подобрал. Это были водительские права – маленькая ламинированная картонка в пластмассовой рамке. С цветной фотографии мне улыбался американец, стоящий впереди.

– Возьми, – аккуратно тронув его за локоть, сказал я.

– Оу! Сэнькю! – широко улыбнулся тот, и отвернулся.

Я с секунду постоял, глядя в затылок ушанки, потом взглянул на черно-белую фотографию в своем паспорте и вышел на улицу. Напротив почты пытался закрыть двери троллейбус, набитый людьми.

1993

Урок психологии

Психологию у нас в университете читали на четвертом курсе. На первой же лекции преподаватель, типичный представитель Томской интеллигенции: в очках, с бородкой и в непроглаженных штанах, заявил, что нам, будущим журналистам, психология чрезвычайно необходима, так как нам предстоит работать с людьми, и от того, насколько быстро мы сможем разобраться и подобрать ключи к тому или ино-

му типу людей, будет зависеть итог нашей работы. Вобщем, спорить мы не стали, к тому же препод оказался милейший дядька. Знал отлично свой предмет и многому научил. На каждой его лекции всегда был аншлаг. На психологию соби-рался весь поток, и, если нужно было кого-то найти из параллельной группы, смело можно было идти к расписанию и смотреть, когда психология. На лекцию нужный человек являлся железно. Занятия у Владимира Анатольевича Сурикова мало походили на классические университетские лекции и практики. Это было нечто среднее – теоретические выкладки с практическими разборами на примерах, приближенных к обычным житейским ситуациям, причем все это было в качестве диалога. На его лекциях мы много общались, спорили, постоянно играли во всевозможные игры, тестировали друг друга. Преподаватель моделировал нам различные ситуации, конфликты и прочее столкновение интересов, и мы, каждый по-своему, пытались разрубить тот или иной «гордиев узел», а звонок с урока Сурикова вызывал, как правило, только сожаление и огорчение. Каждое занятие Владимир Анатольевич заканчивал одной и той же фразой:

– Ну, мои дорогие будущие интеллигенты, встретимся в следующий раз, – причем всегда было непонятно, издевается он над нами или шутит по-доброму.

Однажды, во время лекции, посреди очень бурного обсуждения, дверь в аудиторию открылась, и весь поток замер от неожиданности. В дверях стоял грязный, заросший бомж.

Лично я оцепенел от мысли, как он сюда попал? Владимир Анатольевич, как человек интеллигентный, не подал и виду и попытался продолжить обсуждение. Но не тут-то было. «Гость» окинув всех мутным взглядом, произнёс:

– А, вы кто? – потом качнулся и добавил. – Чё тут делаете?..

Последнюю фразу он произнёс очень грозно. Владимир Анатольевич опешил, сел за свой стол и глупо заулыбался. Видимо, даже он не мог предположить такого поворота событий. В аудитории встала гробовая тишина. Бомж, воспользовавшись моментом, «расправил крылья» и, сделав, покачиваясь, два неуверенных шага вперёд, ещё раз окинул всех мутным взглядом и дерзко спросил заплетающимся языком:

– Кто такие?

Аудитория зароптала.

– Ой, мамочки, он же пьяный, – испуганно прошептал кто-то из девчонок.

Бомж внимательно посмотрел на преподавателя.

– Уважаемый, вы что-то хотели? – всё так же глупо улыбаясь, неуверенно спросил Владимир Анатольевич.

– Уважаемый, – огрызнулся бомж. – Я тебе щас, падла, покажу, что мы хотели, – совсем дико произнёс бомж и направился к столу преподавателя. Вся аудитория застыла в ужасе и страхе. Про то, как напугались девчонки, и говорить не стоит. Что касается меня, то я не испугался, я просто был убит таким вероломством. Такой наглости я в жизни ещё не

видел. Как в кошмарном сне, бомж медленно, или это, может, так казалось, направился к беззащитному и уже успешшему побледнеть Владимиру Анатольевичу, который все так же глупо улыбался. Быстрее всех из «комы» вышел Виталик. Мой одноклассник, лучший друг и товарищ на все времена. Санкин, а именно так, по фамилии мы все его звали, быстро подбежал к столу и плотным ударом в лоб сбил бомжа с ног.

– Сейчас я тебе покажу, кто мы, – сказал Санкин и, взяв «нарушителя спокойствия» за шиворот и рукав грязного полушубка, рывком поставил на ноги.

– Ты че... – попытался огрызнуться бомж, но в этот момент Виталик уже выводил его в коридор и, в дверях, специально шибанул его об косяк. Удар пришелся кстати.

– Все, все, начальник, я больше не буду. Кончай, командир.

Санкин закрыл дверь и, видимо, для профилактики еще раз приложился, шибанув бомжа об косяк, но уже с другой стороны. Я облегченно вздохнул и про себя подумал, вот что значит жизненный опыт. Виталик был постарше нас. В университет поступил не с первого раза, был третий калач и кое-что в жизни видел. Не окажись такого парня среди нас, и неизвестно чем бы все закончилось.

Весь поток из шока вывел все тот же Виталик, вернувшись в аудиторию как ни в чем не бывало.

– Я его охране отдал. Он, оказывается, сегодня ночевал в нашем корпусе, точнее, в подвале. Сейчас охранники выяс-

няют, как он вчера попал в здание, – улыбнувшись, «доложил» Виталик и сел на свое место.

– Виталий, не переборщили ли вы? – вместе со всеми выходя из оцепенения, неуверенно спросил Владимир Анатольевич. В его вопросе чувствовалось и недовольство.

– Думаю, что нет, – спокойно ответил Виталик, а аудитория тем временем осуждающе загудела.

– Можно было и полегче, – набравшись смелости, заявил кто-то из верхних рядов.

Виталик растерянно обернулся и начал искать взглядом того, кто это сказал. «Гуманист» себя не выдал и, в общем-то, конфликт на этом был исчерпан.

«Коротка у людей память», – подумал я, и, повернувшись к Санкину, сказал:

– Вот уж воистину, не делай добра – не получишь зла. Не обращай внимания.

Виталик ухмыльнулся и, соглашаясь, покачал головой.

«Никогда нельзя демонстрировать свою силу явно. Толпа всегда осудит. Все ведь такие благородные за чужой счёт...», – мелькнуло у меня в голове, прежде чем, собравшись с мыслями, Владимир Анатольевич попытался продолжить лекцию, но того энтузиазма и желания, которые были до «вторжения», уже не получилось.

– А давайте обсудим и разберем эту ситуацию, – неожиданно предложил он, но в этот самый миг прозвенел звонок. Тот урок я запомнил на всю жизнь.

1994

Карелин

Если ты был трудолюбив и упорен,
если преодолел страх и перетерпел боль,
то удача обязательно улыбнётся.

А.Карелин.

В этой истории я не ручаюсь за точность дат, правильность названий городов и стран. Могу перепутать хронологию событий и имена её участников, что-то приукрасить, или, наоборот, о чём-то умолчать и не потому что пренебрегаю фактами, а потому что слишком запомнилась мне эта история, которую давным-давно рассказал мне Александр Карелин – великий спортсмен, успешный бизнесмен, яркий общественный деятель, доктор наук, семьянин и патриот земли русской, настоящий колос, герой и соль земли.

В этой истории важна сама история.

Дело было на чемпионате мира в 1991 году, после развала Союза и накануне Олимпийских игр в Барселоне. Карелин не проигрывал ни одной схватки целое десятилетие и на всех мировых форумах греко-римской борьбы за ним были вечно вторые, вечно третьи, четвёртые, пятые, те, кому никогда не светило стать чемпионами, пока на ковёр выходит русский богатырь, любимец всей страны – Саша Карелин. На любых

турнирах с его участием всегда был аншлаг. Переполненные трибуны во всём мире хотели увидеть легенду воочию, ну и если вдруг произойдёт невероятное, то и поражение русско-го медведя. Безусловно, Карелин об этом знал, и каждый раз выходя на помост, он боролся не только с соперником, но и со всем миром за честь своей страны.

Тот чемпионат мира проходил где-то в Европе, и на него первая сборная уже российских борцов греко-римского стиля приехала без доктора. Нонсенс, сборная на чемпионат мира приехала без врача, потому что доктор, который много лет работал с советскими классиками, был белорус и после развала Союза на чемпионат поехал в составе сборной Белоруссии.

В полуфинальной схватке, а Карелин в ней вёл с большим отрывом по очкам, и всё шло к досрочной победе, в один из редких контрвыпадов соперник знаменитого сибиряка головой проломил ему рёбра.

– Я даже боли не почувствовал в пылу поединка, – рассказывал Сан Саныч, – Продолжаю бороться, уверенно иду к финалу, а тут чувствую, что слюна во рту горчит, думаю, наверно, сломанные рёбра в печень воткнулись. Я, конечно, схватку доборолся, победил, спокойно с ковра ушёл, а сам думаю, что завтра-то делать, утром финалы.

Ночью стало совсем плохо. Боль адская. Доктора нет, за помощью обратится не к кому, да и опасно. Если узнают про рёбра, или с соревнований снимут с почётным серебром, или

соперник построит утром поединок так, что весь акцент и все приёмы будут на повреждённые рёбра. Сидим всю ночь с тренером в моём номере, что делать, не знаем...

Утром выходим на завтрак, а моего соперника по финалу шведа Юхонсона уже все поздравляют, шила в мешке не утаишь, про мою травму уже все знают, король Швеции должен прилететь на финал, чтобы увидеть триумф шведского борца в самой престижной весовой категории. Спокойно завтракаем и отправляемся на стадион. Там, биток народу – финалы. Что делать, как бороться? Мне идти-то больно, каждый шаг и каждый вздох в печень отдаёт, а тут размяться нужно да ещё бороться с парнем, который под сто тридцать килограмм. От безысходности, мой тренер обратился к доктору сборной Германии, нашему бывшему соотечественнику из поволжских немцев, Сергей, по-моему, его звали. Немцы уже все повывлетали и туристами с трибун смотрели борьбу. Тот ко мне подходит и говорит:

– Саня, я тебе вколю анестезию, но действовать будет всего пять минут. На четыре минуты боль снимет точно. И на разминку и на схватку однозначно не хватит, поэтому размяться ты должен будешь сам. Перед выходом на ковёр я тебя кольну.

Приходит время поединка, я через маты, через слёзы разминаюсь, боль нестерпимая, но держусь, знаю, что после укола полегчает. Подходит врач, вкалывает мне маленький укольчик прямо в гематому, я выхожу на ковёр и за две ми-

нуты кладу шведа на лопатки. Он вскакивает после свистка судьи и на английском на весь манеж начинает орать, что русские обманули, что не может человек со сломанными рёбрами так бороться. После, уже с медалью, подходим с тренером к доктору немецкой сборной, чтобы поблагодарить, и я у него спрашиваю, что он мне вколол. Что за чудо-препарат?! А он улыбается и говорит:

– Сань, да купил я тебя. Я тебе вколол витамины. У тебя рёбра сломаны, какое тут обезболивающее может помочь, когда у тебя гематома на пол живота!

Такая вот история.

Александр Карелин трижды был Олимпийским чемпионом, больше десяти раз выигрывал чемпионаты мира и Европы, легендарный борец, так приучил всех к своим победам, что люди, далёкие от спорта каждый его титул принимали как должное, наивно полагая, что, видимо, Карелин понял в борьбе нечто такое, до чего другие ещё не догнали, отсюда и все его победы. И только когда Сан Саныч проиграл в двухтысячном году финал в Сиднее на своих четвёртых Олимпийских Играх, только тут-то и стало всем ясно, что Карелин – это обычный человек, которому каждая медаль и каждая победа доставалась потом и кровью.

Кстати, на той Олимпиаде рухнул последний символ большой могучей страны под названием СССР, олицетворением которой и был Карелин. Богатырь из Сибири, сделавший греко-римскую борьбу популярной во всём мире.

После проигранного финала, пошли слухи, что Карелин финал продал. Называлась даже сумма в десять миллионов долларов. Слухи муссировались в около спортивных и журналистских кругах, но, что-то конкретно утверждать никто не решался. На одной из пресс-конференций кто-то попытался намекнуть, дескать, Александр Александрович, а, вы могли бы проиграть за деньги?

В зале повисла гробовая тишина.

Карелин окинул всех тяжёлым взглядом и спокойно сказал:

– Нас воспитывали так, что мы перед соперником не можем встать даже на колено.., а вы говорите проиграть.

2011

Бригада

В ноябре тысяча девятьсот девяносто второго года, серым, снежным, холодным сибирским утром я сидел на лекции по античной литературе. На первом курсе всё было интересно, особенно «античка», с её мифами, богами, героями, битвами, путешествиями, завоеваниями и открытиями. Преподаватель, дама в годах в аудиторию принесла карту древней Европы с подробными названиями стран, городов, гор и островов античного Средиземноморья. Лекцию она начала с того, что сейчас Европа выглядит по-другому, впрочем, как и

африканские и арабские страны Средиземного моря и те из нас, кто побывают в Греции, смогут сравнить, как изменились границы и положение стран по сравнению с древнегреческим периодом. А я слушал её и, глядя в окно на унылый заснеженный город, думал:

– Старая ты дура, ну кто из нас попадет в Грецию? Только те, кто будет заниматься международной журналистикой? Так это еще более не реально. Для всех нас Греция останется несбыточной мечтой, – с тоски и безнадёги мрачнел я, – Вокруг страна рушиться, заводы и шахты бастуют, а она про Грецию заливает нам.

В семнадцать лет многое кажется несбыточным и не реальным, к тому же тогда железный занавес только упал, за границу толком никто еще не ездил и, конечно же, никто не мог даже представить, что пройдет всего пять-шесть лет и Турция, Египет, Испания, Кипр, Греция и Таиланд станут русскими курортами.

С той лекции прошло не мало времени и, заработав первые ощутимые деньги, я не стал покупать гнилую «БМВ», убитый «Мерседес» или «Тойоту» лохматого года, как это делали все мои друзья. Я решил съездить и отдохнуть за границу, начать, наконец, путешествовать и познавать мир. Жажда путешествий во мне была всегда, возможно, поэтому тогда на лекции я так остро и воспринял ремарку преподавателя. Я бы с удовольствием объехал весь мир, но в тот момент денег хватило только на Турцию, да и знающие люди

посоветовали за границу начинать именно с неё.

Первые несколько дней восхищало всё: и международный аэропорт в Анталии, и вышколенные наглаженные гиды, и чистота отеля, и свежесть морского воздух, и невероятное по красоте скалистое побережье Средиземного моря, и улыбочивые турки, всё было на пять с плюсом, хотя я купил путёвку в трехзвездочный отель, но сделал это осознано. Друзья, уже бывалые путешественники, мне всё подробно разжевали:

– В пятерках будут одни бабушки да дедушки из Западной Европы, да наши семейные пары с детьми, а в трешках, отдыхает молодежь и море девчонок, в основном студенток. У них денег не много, вот они и едут в дешёвые отели.

К моему восторгу так всё и оказалось. В отеле, на пляже, в ресторанах и барах тусовалась одна молодежь. Все быстро знакомились и отдыхали на всю катушку. Весело было всем и везде. Любимцами отеля были два молодых таксиста из Санкт-Петербурга, парни матерые, резкие и чрезвычайно уверенные в себе. Я с ними быстро подружился и весь остаток отдыха мы везде бывали вместе. Если где-то толпился народ, раздавался смех или наблюдалось какое-то оживление, значит там появились мы.

Рядом с нашим отелем, прямо в метре от него была лавка. Турок лет пятидесяти в ней продавал сувениры и всякую дребедень, которая могла понадобиться туристам: шампунь, мыло, расчески, надувные матрасы, полотенца, плавки, купальники, воду, соки, пиво, сигареты и всё прочие. У вхо-

да в магазин на улице стояла гигантская черепаха весом килограмм пятнадцать из какого-то редкого камня, так уверял турок. Стоила она пятьдесят долларов и скорее всего, была из пластмасса. Мои питерские друзья: Андрей и Саня, подошли к лавке, присели на корточки и начали нахваливать черепаху. Затем они стали спорить, кому она нужнее и кто её купит. Турок на все происходящее вожделенно взирал. Черепаха была некрасивая, большая и тяжелая, если бы её кто и купил, то в аэропорту пришлось бы сдавать отдельно в багаж, платить за перегруз, короче, эта черепаха никому была не нужна, и моим друзьям в том числе. На отдыхе делать особо нечего, вот они и решили поразвлечься. Турок, естественно, всё принимал за чистую монету. Договорившись, что черепаха будет принадлежать им обоим, они обратились к хозяину лавки, чтобы тот скинул цену. Турок уперся. На неплохом русском с колоритным акцентом, он сказал, что черепаха уникальная, последняя, её сегодня уже спрашивали, просто люди шли на пляж и денег с собой не взяли, поэтому он не уступит ничего, потому, что вечером её у него купят сто процентно.

– Ну, уступи хоть доллар, – настаивал Саня.

– Нет, не могу, у меня хозяин, что я ему скажу? Он подумает, что я этот доллар украл у него, – стоял на своем турок.

Мои друзья манерно вздохнули и пошли прочь.

– Стой, стой, – заволновался турок, – Давай, пятьдесят долларов и кальян покурим как друзья.

– Нет спасибо, – отрезал Андрей, и они демонстративно ушли.

В этот же день они снова несколько раз подходили к черепахе, обсуждали её, нахваливали друг другу, но с турком в переговоры не вступали, молча уходили. Вечером, когда мы все вместе шли в отель, торговец сам окрикнул нас и сказал:

– Ладно, сорок девять. Скину доллар.

– Не, у нас уже столько нет, давай за сорок пять.

Турок остолбенел. За долю секунды его лицо выразило такую широкую гамму чувств, начиная с щедрого снисхождения, затем удивления, разочарования и растерянности в конце.

– Сорок пять? – не поверил он, – Ты шутишь?

Саня молча вытащил помятые баксы и начал демонстративно их считать:

– Тридцать восемь, – огорошил он, – У нас даже сорока пяти нет. Пойдём. – сказал он и взяв за руку Андрея начал тянуть в сторону дверей нашего отеля.

– Подожди, подожди, как тридцать восемь? Вон у друга займи, он даст, сразу видно хороший человек, – показывая на меня, сказал турок, не теряя надежды впарить нам эту черепаху.

– Не, у меня нету, – включился я, – Пойдемте пацаны, видимо не судьба вам купить её. Крутая черепаха конечно, – вошел я в роль.

– Шикарная, – добавил Андрей и мы молча, с опущенными

ми головами, еле сдерживая смех, скрылись за дверями отеля.

На турка жалко было смотреть. Он так искренне расстроился, что мне, если честно, прямо хотелось ему этот полтинник подарить.

Утром, когда мы пошли на море, питерцы снова подошли к черепахе и начали торговаться с её хозяином, потом мы подошли после пляжа, когда шли на обед, затем, присели к черепахе и продолжили торг, когда днем снова, шаркая сланцами, шли на море и так всю неделю. Изю дня в день. Одним прекрасным утром, уже прилично загоревшие с большой компанией мы что-то оживленно обсуждая, вывернули из отеля, и двинулись в сторону пляжа. Путь наш само собой лежал через лавку с черепахой и Саня с Андреем как с хорошим знакомым поздоровались с Орханом, так звали хозяина лавки, и только было собирались завести привычную песню, как тот выскочил из своего магазина и закричал:

– Всё, всё, забирай за одиннадцать, забирай, я так больше не могу! – кричал бедняга Орхан. Он все еще верил, что парни на самом деле хотят купить черепаху.

Вся наша компания просто покатила со смеху, потому что историю про черепаху знал весь отель и очень внимательно за ней следил.

На пляже я всем предложил прийти сегодня на это же место в четыре часа утра.

– Давайте, а зачем? – поинтересовался кто-то из девчонок.

– Когда я ехал из аэропорта в отель, – начал объяснять я столь странный выбор времени, – Наш гид рассказал, что Средиземное море турки называют Ак Денис, что переводится как, «Белый море» – передразнил я гида, – Так вот, потом он подробно поведал, что Средиземное море очень соленое и когда утром, в четыре часа встает солнце и начинается рассвет, сквозь первые лучи, всюду до горизонта видна белая пелена над водой – солевые испарения. Вот за это турки его белым и зовут.

– Как интересно, – заинтересовался народ, и мы договорились на рассвете встретиться на пляже.

Естественно, в четыре часа утра никто не пришел, кроме меня и питерцев. Да и мы-то пришли только потому, что сидели вместе выпивали. В это время на море была такая темень, что ни о каких солевых испарениях и первых лучах солнца и речи быть не могло.

– Ак Денис, Белый море, байка это всё, сказал Андрей, – пытаюсь в темноте разглядеть хоть что-нибудь.

– Байка, – согласился я, – Но очень красивая.

– Предлагаю продолжить, – резюмировал Саня, и мы пошли в ближайший магазин, так как все бары и рестораны в нашем трехзвездочном отеле были давно закрыты.

В маленьком магазинчике был только молодой продавец и какой-то богатый турок. Они с оживлением о чём-то разговаривали. Мои друзья не спеша изучали ассортимент алкогольной полки, а моё внимание привлек собеседник про-

давца. Он был славянского типа, загорелый, одетый в светлые, льняные рубашку и летние брюки европейского типа, но с красивыми турецкими расшитыми узорами. Одежда была хорошо подогнана и выглядела дорого. Я знал, что в Турции в курортный сезон работает много турков болгарского происхождения и от славян их отличить практически невозможно. Парень которого я разглядывал был лет тридцати, светловолосый, с эффектной трёхдневной светлой щетиной, широкоплеч и коренаст. Из под легкой рубашки можно было, без особого труда, разглядеть мышцы рук и мощный торс. Крепкое телосложение очень эффектно подчеркивали загар и светлая одежда. На крепкой шее поблескивала красивая золотая цепочка грамм на сто, сплетенная арабской вязью, на правой руке был золотой перстень с брильянтами, как и цепочка, в арабском стиле.

Мои друзья, выбирая алкоголь, не стеснялись в выражениях, матерились и довольно громко разговаривали. Я сначала хотел их одернуть, а потом подумал, что два жителя средиземноморья все равно ничего не понимают, так что пусть матерятся.

Вдруг у турка, которого я так внимательно разглядывал, зазвонил телефон. Мелодией на звонке был трек из фильма «Бригада», бандитской саге о лихих девяностых в нашей волшебной стране. Я удивился:

– Надо же, неужели он смотрел фильм. Не поверю, что «Бригада» популярна и здесь, в другом конце света. Хотя ему

могла и просто музыка понравиться. Скорее всего, он даже не знает, откуда эта мелодия. У кого-нибудь из туристов скачал, – пронеслось у меня в голове.

Турок прервал разговор с худеньким продавцом магазина, поднёс телефон к уху и сказал:

– Да Колян, слушаю тебя внимательно.

Я опешил. Парень заметил перемену во мне, прервал разговор с Коляном, глянул на меня с улыбкой, и сказал:

– Брат, да я русский, русский.

Моему удивлению, как говорят в таких случаях, не было предела. Я своими ушами слышал, как он отлично говорит по-турецки. Загар, одежда, даже стиль золота, всё подчёркивало принадлежность к другой культуре.

Он закончил говорить по телефону и спросил:

– Откуда парни?

– Мы из Питера, – сказал Саня, скептически оценивая нового знакомого взглядом бывалого таксиста. Видимо и он не мог связать воедино внешний вид и идеальный русский загорелого, крепкого парня.

– Я Сибиряк, но сейчас живу в Москве, – больше из желания продолжить разговор, нежели из вежливости сообщил я. Новый знакомый, после того, как заговорил на русском, стал мне еще интереснее.

– Из Сибири, откуда!?! – вдруг оживился он.

– Из Новосибирска.

– А я из Томска. Данил, – сказал он и протянул руку.

Мы все познакомились. Я сообщил Данилу, что в Томске родился, правда, недолго там жил, а потом пять лет учился в Томском университете.

Услышав это, Данил, что-то по-турецки сказал продавцу и тот из холодильника прямо на прилавок выставил несколько банок пива, открыл их и предложил нам.

– Давно был в Томске?

– Да нет.

– Парни, вы спешите, обратился он к питерцам?

– Не особо, – переглянулись Саня с Андреем.

– Пойдем посидим, я здесь ресторан знаю. Я угощаю, – предложил наш новый знакомый.

Мы естественно согласились, вышли из магазина, но когда проходили мимо нашего отеля, питерцы решили пойти спать. Мы попрощались и продолжили путь вдвоем. Ресторан был на набережной и имел, наверное, шикарный вид на море, но в темноте об этом можно было только догадываться.

Весь ресторан всполошился, когда мы с Даниилом вошли. Охранник подбежал и открыл нам дверь, в зале не смотря на поздний, а точнее уже на ранний час, забежали два официанта. Они пригласили нас за стол, отодвинули, а затем задвинули за нами стулья, когда мы сели. Тут же принесли и постелили нарядную скатерть. Спустя несколько минут из кухни вышел повар, лично поприветствовал Данила и представился мне. Его звали Таркут-бей. Данил ему что-то сказал и он ушел. Я чувствовал на нас взгляды и слышал, что кухня и все

кто там был, оживились. Через минут десять нам принесли овощи, фрукты, закуски, много зелени, добротный импортный алкоголь. Два официанта мастерски накрыв стол, отошли на почтительное расстояние, но остались в зале. Такой сервис я не видел никогда.

– Ну, что, зёма, за знакомство, – мы выпили по первой. Затем по второй, по третьей, и разговор завязался как-то сам собой.

Выяснилось, что Данил уже семь лет не был в России. Он был в бегах и в федеральном розыске.

– Я вольной борьбой занимался, кандидатом в сборную был. На первом курсе в меде учился, – начал рассказывать он, – А в начале девяностых всё как-то закрутилось, всё рушиться начало, все разом осатанели, кругом нищета, безнадёга, короче мы с пацанами бригаду сколотили и потихоньку начали комерсов нахлобучивать, с цыганами наркоту возить, дальнобойщиков на дороге хлопать. Тогда весело было, да ты и сам помнишь.

– Помню, – согласился я, – Взрыв преступности, рэкет, кругом спекулянты, первичное накопление капиталов и всё это на фоне разваливающейся страны. То еще веселье, – не без горечи закончил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.